

О философском вопрошании (себя превосмогающая традиция)¹

*Эмили Анваровне Тайсиной,
способной понимать не-близкое,
с глубоким уважением, признательностью
и сознанием долга.*

Что делает философ?

Он пишет. Статьи, книги, заметки, дневники². Для других или «в стол». В разном объеме и на любой вкус: глубоко, обосновано, ярко, доходчиво или не очень, у кого как получается.

---

¹ Вторая редакция статьи, исправленная и дополненная. Первая редакция опубликована в сборнике: Революция и традиция. V Садыковские чтения. Материалы Международной научно-образовательной конференции (Казань, 16-18 ноября 2017 г.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. С. 78–87. В статье рассматриваются особенности «неконцептуального философствования», в рамках которого практикуется «вопросание без нацеленности на результат». «Предмет» этого вопрошания — «жизнь-в-единении», «жизненность» или «чувство жизни» — необъективируем. Ценность имеет сама «вопросающая коммуникация», в ходе которой могут происходить значимые для коммуницирующих события «прояснения».

² Теперь еще философ составляет отчеты. Раза два в год и чаще, кому как повезет. Результаты, намерения (программы), активность «внутри» и «около» — все должно быть явлено, запротоколировано и оценено. Прямо сейчас. Ждать времени нет. Рейтинг — продукт скоропортящийся. Не успел оглянуться, он уже опустился. Составление отчетов и всеохватных программ, конечно, не имеет отношения к философскому делу, но нельзя не признать — на наших глазах работа вершится уникальная, еще в полной мере не оцененная. Масштабов она достигла невиданных, охвачены ей все, от аспирантов до профессоров, без оглядки на профессиональную принадлежность. Будущим исследователям остается только завидовать — каких только «открытий» не сулит им погружение в океан скрупулезнейших подсчетов, будоражащих воображение проектов и неслыханных прежде идей (изложенных, правда, в соответствии с утвержденным выше направлением, выверенной почасовой нагрузкой и с целью формирования надлежащих «компетенций», также строго оговоренных — ОК-1, ПК-2, ОПК-3 и пр.).

Что еще делает философ?

Читает лекции, ведет семинары, участвует в конференциях. И говорит, говорит, говорит. Философы говорят много и о разном. Впрочем, в этом они, кажется, мало чем отличаются от других людей. Кто-то из философов предпочитает говорить о политике, кто-то — о сознании или языке, а кто-то — об искусственном интеллекте. Можно подумать, что дело философа и состоит в говорении, о том или об этом.

Странное «дело» — говорить. Сомнительное. В особенности, если слова не подкреплены чем-то «конкретным». Вряд ли есть основание верить речам «кабинетного ученого». Язык все стерпит. Выдержит он и философию с ее «первыми вопросами», в которых всего слишком — широты, вольности, неконкретности. Что ж, может быть и так. Но послушаем философа, одного из тех, про кого говорят «значительный»: «Наш мир никогда не бывает лучше наших разговоров»³. Речь философа обращена к нам — «моему» или «твоему миру». Это и мир философа. «Наш мир». Философ, как будто, говорит «из» мира, «общего» для всех. Он решительно утверждает: наши разговоры и есть наш мир. Дайте выговориться человеку, — советовал З. Фрейд, — и вы узнаете, в каком мире он живет, кто его населяет, в каких отношениях состоят его обитатели (а что там в реальности, другой вопрос). Нам не уйти дальше самих себя. Речь — свидетельство этой незамысловатой истины. Мы, как тот начальствующий из старой комедии⁴, воспринимаем происходящее из окна персонального автомобиля⁵ — удобного и скоростного, престижного и безопасного. Мир, такой необъятный и значительный, оказался у нас на ладони. Удивительно, как он уместился в наши представления? Но не ошиблись ли мы в расчетах, старательно разложив все по знакомым полочкам? Не принимаем ли мы «окно в мир», заведенный нами или кем-то порядком, за сам мир? Наша речь говорит о том, что нас

---

³ Биbihин В. В. Слово и событие // Слово и событие. Писатель и литература / В. Биbihин. М., 2010. С. 67.

⁴ Товарищ Саахов из фильма Л. Гайдая «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика» (1966 г.).

⁵ Собственное «авто» нередко выступает в качестве символа «Я» или «Эго».

беспокоит или радуется, в ней же сказывается и уверенность начальствующего, подчиняющего мир своей воле. Наш мир не лучше наших разговоров. Но и не хуже. Он всегда находится под рукой. Всему при желании можно найти объяснение. Мы неотступно продолжаем движение, думая, что находимся в мире. За окном мелькают «дома», «улицы», «города» и «веси».

Философ говорит «из» мира, «общего» для всех. Он что, уже обрел мир? Обращается к нам, но имеет в виду не «наше». Это-то и вызывает сомнение. Все и так превосходно работает. Разве нужно что-то еще? Кто-то задумал бросить вызов устоявшемуся порядку? Зачем? Скорее всего, философ — взывающий хаоса, самоуправец. Ясно, чего он хочет — внимания к себе. Говорит об «общем», а на деле требует того же, что и все. Ничем он не отличается от остальных. Верно. Философ такой же, как и все, и ему не чужд «поиск внимания». Но еще его интересует *одно*. Пожалуй, в этом одном он немного отличается от других. Философствующий еще не достиг «неотличимости». «Неотличимость» — задача. Для единения необходимо понимание. Философ пишет и говорит, и в том, что он делает, выражается озабоченность одним — тем, что принадлежит всем и никому. Как и все, философ принадлежит одному.

Мы говорим: «Это моя вещь, эта твоя, а вон та — общая». «Общее» здесь — находящееся в совместном обладании. «Общее», о котором выражает заботу философ, может быть «нашим» — мы, например, принадлежим «одному миру». Однако «наше» не означает «находящееся в нашем распоряжении». «Общее», которым обладают, сразу становится «моим» или «чужим» — мы привычно заводим речь о «своем мире», а это не то, что нужно: «общее» принадлежит всем и никому.

Мы говорим: «Это понятие является общим для целого класса предметов, у которого есть общий признак». «Общее» вряд ли возможно свести к «общим признакам», содержанию речи или мышления, которыми также можно воспользоваться по своему усмотрению. Напротив, речь и мысль «выводимы» из «общего».

Не является «общее» и субстанцией, предельно общей философской категорией, выражающей ни на что не опираю-

щееся основание мыслимого. Называемое «общим» реально. Всякое имя, даваемое реальному, условно — «общее» потому и общее, что не принадлежит никому, «его» «общность» номинальна. Всего лишь еще одно имя — из нескольких сотен, а то и тысяч, — указывающее на что-то чрезвычайно простое, выходящее за пределы и «своего», и «другого».

Философ пытается говорить «из» мира, «общего» для всех. Но и он не обрел мир. Мир как целое нельзя обрести. «Общим» нельзя обладать, его не вывести из нашего мышления, да и любое, данное ему имя условно. Странность философского дела, связанного «первыми вопросами», очевидна: философу нечего сказать. Его речь и впрямь лишена «предмета» — как не сказать: бессодержательно! иррационально! Все самое важное имеет вес — чем важнее, тем «весомее». Стоящая вещь ощутима в руках. А здесь за что взяться-то? В самом деле, ухватиться не за что. Л. Витгенштейн, по его собственному признанию, написал книгу, в которой *ненаписанное* занимало место второй части, самой важной⁶. Философский текст отсылает к ненаписанному красноречивым умолчанием о нем. Самое важное находится в тени сказанного. Философия говорит умолчанием. Красноречивое умолчание — форма неявного знания, названная Кузанцем «умудренным неведением»⁷. Мудрость знает границы и признает силу бессилия. Какие-то вещи можно узнать незнанием, допуская условность сказанного, продуманного и отказывая себе

---

⁶ «А именно, я хотел написать [речь идет о “Логико-философском трактате”. — Г. М.]: моя работа состоит из двух частей — из той, что находится перед вами, и той, которую я *не написал*. И именно эта вторая часть самая важная. Моя книга как бы проводит границу этического изнутри... Короче, я полагаю, что все то, о чем многие сегодня болтают, я устанавливаю в своей книге тем, что я молчу об этом» (см.: Из писем Витгенштейна К. Л. Фиккеру (1919-1920). Осень, 1919 // Людвиг Витгенштейн. Дневники 1914-1916 / под общ. ред. А. В. Суворцева. М., 2015. С. 318.

⁷ «Для самого пытливого человека не будет более совершенного постижения, чем явить высшую умудренность в собственном незнании, всякий окажется тем ученеe, чем полнее увидит свое незнание» (см.: Николай Кузанский. Об ученом незнании // Сочинения в 2 т. Т. 1 / Николай Кузанский. М., 1979. С. 51.

в способности знать. Философ знает, что ничего не знает. Буквально. У него нет «концепции», какой-то *своей* «точки зрения», ибо «общее» не сводимо к любой — даже самой правильной — «концепции», но и никогда не конфликтует с ней. Истина настолько проста и очевидна, что ей принадлежат все, не замечая этого. Одно это философ непреложно знает. Истина безопорна: она ни на что не опирается и сама не служит опорой. Истина, ставшая опорой, рано или поздно превращается в пьедестал для знающего. Мы ищем поощрения, а находим раздоры. «Опоры» разного рода сразу же приватизируются, «вкладываются в руки» и становятся орудиями в чьей-то борьбе. Философу, стремящемуся говорить «из» мира, «общего» для всех, не на что опереться — ни на знания, ни на факты и опыт, ни «на себя». Что же делать? Остаться живым.

Все вокруг просто есть. Мы ищем что-то значительное, какое-то «общее», и этот поиск заслоняет исконную простоту жизни. Взошло солнце, скрипнула постель, кто-то, собираясь на работу, завел автомобиль, ветер известил о себе, слегка потрепав листья соседствующих берез. И это философия? Возможно, нет, хотя с какой стороны посмотреть. Солнце, ветер, звук, производимый автомобильным двигателем, — это, конечно, не философия. А вот «восприятие», в котором все вдруг оказывается едино, без прикрас и натуги оставаясь собой и еще чем-то, все соединяющим, а мы по какой-то случайности и совершенно незаслуженно обратились в это «восприятие», причастившись тайне всего, — как знать? Может быть, это уже и философия. Или то, из чего она вырастает. Вот, к примеру, вопрос, знаменитый, равный возрасту самого человека: почему есть нечто, а не ничто? Как понять, о чем идет речь? Вещь, лежащая на столе, есть. Нас спрашивают, почему она есть? Скорее всего, нет. Нас, пожалуй, даже и не спрашивают, не ждут объяснения. Нас просят посмотреть на вещи несколько иначе, разделяя удивление — ну, присмотритесь же, наконец! Что «видите»? Ничего? Правильно. *Так* ничего не разглядеть. А вы постарайтесь «увидеть», не смотря на вещи. Попробуем еще раз. Одна вещь, другая... Нет ли «за» вещами чего-то еще? Ну, конечно, разве может быть иначе! Всякую вещь и все вещи сразу «держит» что-то одно — «бытие».

Странно, не правда ли? Не должно быть, а есть. Одна вещь, вторая, третья, как они есть все сразу? Так что вы «увидели»? Предельно простое. Легкий порыв ветра, шум работающего мотора, по-свойски заглянувшее в спальню солнце, и вместе со всем этим — тихая, струящаяся ниоткуда, беспричинная радость, а с ней и понимание — *это* есть. Что же? Может быть, это *единение*, не знающее различия между «внутри» и «снаружи»; может быть, «место покоя» — чистое и невинное, — пребывающее где-то глубоко у нас «внутри» или «снаружи», Бог его знает?! Назвать *это* можно как угодно. Ученость здесь вторична, главное — дар жизненности, чувство актуальности существования, ощущение осмысленности всего, — спонтанное, игривое, — знакомое всякому, кто делал что-то увлеченно, полностью отдавая себя работе. И это так необъяснимо просто, что нет слов. Это «чувство жизни», видимо, и позволяет нам говорить о «бытии», «мире как целом» и пр. — о том «нечто», о котором нас, спрашивая, не спрашивают. *Видение* схватывает обозримое количество предметов, а *все*? Ведь и оно есть, мы это твердо знаем. Как? Не видимо, а есть. Не предметно, а есть. Не мыслимо, не именуемо, а есть. Удивительно! Почему от философа все время ждут объяснений? Философское вопрошание не всегда деловито расчетливо⁸. Есть множество вещей, едва уловимых, но не менее реальных, чем всё прочее, более или менее осязаемое. «Объяснения» здесь если и возможны, то «не сразу», они могут возникнуть «потом». Тогда же — «потом» — выяснится, что цель такого рода «объясне-

---

⁸ «Рациональность» бывает разной, действительно разумной и не очень («рационализирующей»). В самом деле, почему работа целиком состоящая из связанных по законам логики идей-штампов, выдается за образец «рациональности», а всего одна мысль человека, в которой он бездоказательно точно указывает на суть дела, — нет? Неужели любая нелепость, для которой найдется «должное обоснование», непременно получит ожидаемое одобрение и сойдет за «осмысленное действие»? «Рациональность» — не разум, поставленный нам на службу, позволяющий оправдать, если не все, то многое, из того, что мы делаем, даже самые абсурдные поступки. Именно против такого понимания разумения, возведенного в догму, удобного и годного на любой случай, бескомпромиссно выступал Лев Шестов.

ния» — демонстрация не-возможности объяснения. Как объяснить *условие* объяснения, включающее в себя объясняемое, объясняющего и само «действие» объяснения, а также понимание, что рассматриваемое условие ничего не обуславливает? Плотин — величайший в истории философии ум — учил вовремя останавливаться: предельная простота нуждается в особом обращении — если это и отступление от разума, то с опорой на него (на разум-то как раз и нужно опираться). Заумной сферы касается душа, утонченная размышлениями о природе первобытия. Философское вопрошание призвано понуждать к объяснению, но еще более оно помогает вспомнить то, что мы и так хорошо знаем; то, что не требует объяснений и доказательств, — когда-то мы точно ощущали себя по-настоящему живыми. Философское вопрошание призывает к самому обычному и простому — жизненности спрашивающих.

Как рассказать о философии человеку, который по какой-то причине забыл о том, что знал некогда, — о единящем даре жизни? Что будут означать для него термины «бытие», «мир» и другие? Ничего или совсем немного. Что-то «предельно общее», «абстрактное». Без всего этого спокойно можно обойтись. Пожалуй. Но, может быть, в том-то и дело: не обходим ли мы стороной мир, живя в нем?

Философ пишет и говорит, он — вопрошающий, не ждущий скорого ответа. «Чувство жизни», жизненность, актуальная и нетребовательная, не схватывается в понятии или образе. Если б все легко достигалось: поставил цель и стал живым. Воскрес. Пронесся метеором. Впрочем, почему нет, наверное, и такое возможно. Только с жизненностью все происходит не так: это не ты хочешь, а «она». Есть такое понятие в современной философии — «событие»⁹. Говорят о нем сегодня много и означает оно, кроме прочего, общительность, всесвязность и ее сбывание в одном непредсказуемом моменте. Вспыхнуло, осветило, исчезло. Событие, как прави-

---

⁹ Это понятие разрабатывали такие разные мыслители, как М. Хайдеггер и А. Бадью (соответствующей онтологией у названных авторов и ограничено его использование). «Событие» — одно из центральных понятий философии В. Библихина.

ло, выглядит ярко, оно непременно оставляет след, имеет последствия. Событие мысли — единение мыслимого, мыслящего и множества не просчитываемых заранее (и позже) контекстов мышления («жизни»), внешних, внутренних, локальных, глобальных, горизонтальных, вертикальных и пр. «Событие мысли» указывает на то, что не человек является субъектом мысли, скорее наоборот: он часть некоторого события мысли, развернувшего существование мыслителя и образ его мысли в какую-то сторону. Можно попытаться представить «чувство жизни» в форме «события». Действительно, жизненность «событийна» в том смысле, что «она», а не мы, выступает субъектом живого чувства, мысли, действия. Однако есть одно «но». Жизненность проста и незаметна. Ничего яркого и «значительного», никаких метеоров, «подъемов» при большом скоплении народа, вспышек света, все очень и очень просто. Следов почти нет. Все как всегда: утреннее солнце, легкое поскрипывание кровати, ветер, звук с улицы и тихое струение потока радости, утверждающего себя в обязательном понимании, которое не нуждается в обосновании и доказательствах. «Чувство жизни» ведет, не мы, поэтому жизненность «ощущается», ее присутствие узнаваемо у себя или других по их «живым» словам, мыслям, действиям. Но как научить «чувству жизни»? Никак. Наставник учит тому, что обрел, «чувство жизни» обрести нельзя. Увы, никто не научит жизненности. Остается просто жить, терпеливо внимая происходящему.

Философ спрашивает и не ждет ответа. Философское вопрошание — ожидающее внимание. Мы удерживаем внимание не на жизненности как предмете мышления (нет такого «предмета»), а на спрашивающем и на том, что происходит вокруг. Со стороны все выглядит странно: о чем он пишет? что они обсуждают? Ничего как будто не происходит, за что ухватиться? Философствование ни о чем. Верно. *Предмета* обсуждения нет. Это и нужно. И еще — внимание. Удерживая внимание на спрашивающем и ни к чему не стремясь, мы в свете непринужденного «ни-к-чему-не-стремления» ставим вопросы, которые, возможно, помогут (нам самим или кому-то еще) глубже вникнуть в происходящее. Не придумать что-то, основательно все просчитав, а поставить

новый вопрос, который — кто знает?! — вдруг покажет неуместность привычного взгляда на вещи.

Философское вопрошание не ставит основной целью выработку новых идей (случается, ну и ладно, это не главное), не ведет за собой — идти-то некуда (если куда-то можно прийти, это — не «то»)! У него куда более скромная задача: помочь стать, хотя бы немного, свободнее от самих себя, от заведенных нами порядков. А там — как повезет.

В философии ищут что-то «значительное» — необыкновенных идей, изменяющих мир, грандиозных, всеобъемлющих концепций, крупных мыслителей — но ведь иногда можно обойтись и малым, не так ли?

Взошло солнце, небо заволокло тучами, пошел дождь, просветлело, дорога на работу, работа, дорога домой, дом — в этом нет философии? Нет, если философия обитает в книгах и в университетах. Есть, если ее исток еще и в «жизненности». Тогда солнце, небо, дождь, работа, дом, ты сам — манифестация жизненности. Философское вопрошание не понуждает думать, рассчитывая и собирая, напротив, оно призывает думать, соответствуя малому и незначительному, тому, что мы, как правило, обходим стороной.

Незначительного не достигают. Вроде как, оно уже есть или в нем нет нужды. Значение имеет результат — итог упорной борьбы. Главные истины выглядят незначительно, и мы в них, похоже, уже пребываем, не понимая этого. Философствование — работа без нацеленности на результат. Нам не достигать нужно, а соответствовать неспешной поступи мира, скрытой за множеством обычных вещей, совершаемых нами и другими людьми. Вопрошая, мы обращаемся к тому, в чем нет острой нужды. Мы, возможно, еще не знаем, в чем действительно нуждаемся.

Философское вопрошание, обходя стороной «значительное», стремится ввести вопрошающих в соответствие с происходящим. «Происходящее» не совсем то же самое, что «видимые и созданные людьми установления». «Происходящее» равновесно, в нем есть и то, и это, и созданное, и не созданное, поэтому простое, незначительное кажется кому-то «глубоким» и «непостижимым». В самом деле, с деловито-расчетливым «обоснованием» возникают сложности, трудно

все это совместить и объяснить. Новое и старое, живое и мертвое, покой и движение — все пребывает в равновесии, удивительном и непостижимом. Стоит ли его «достигать»? Скорее всего, нет. Но можно попробовать соответствовать естественному «чувству жизни», знакомому многим. Так, важно не «сохранение» или «изменение» существующих порядков, а живое — равновесное, удерживающее «целостность» — отношение к происходящему. Ревностная защита «традиционных ценностей» или суетливая тяга к «лучшему миру» не имеют отношения ни к «традиции», ни к «революции». И то, и другое — манифестации одной жизненности, все приводящей к равновесию. Лишаясь ее, все теряет смысл. Традиция не сводится к «охранению», а революция — к демонтажу устоявшегося порядка. Подлинное изменение сохраняет, а настоящее «охранение» изменяет. Имеют ли смысл революции, презревшие традиции, и традиции, напрочь отрицающие тягу к изменениям — тому, что сопутствует росту всего живого? Соответствуя «происходящему», мы изменяем и сохраняем, не становясь революционерами или консерваторами. Мыслители, писатели, ученые, вожди, оппозиционеры, просто правители и сравнительно свободные граждане, их движимое и недвижимое имущество, — все охвачено одним сохраняющим равновесие, неизменным потоком жизненности.

Философ пишет и говорит, он спрашивает: *это* действительно имеет значение? Наш мир соответствует только нашим разговорам или чему-то еще?